

Михаил Алексеенко

Грамматика номинативного процесса "перестроечного новояза"

Studia Rossica Posnaniensia 27, 195-202

1996

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

ПРАГМАТИКА НОМИНАТИВНОГО ПРОЦЕССА
„ПЕРЕСТРОЕЧНОГО НОВОЯЗА”

PRAGMATISM OF NOMINALIZATION IN „THE NEW LANGUAGE
OF PERESTROIKA”

МИХАИЛ АЛЕКСЕЕНКО

ABSTRACT. The article examines the character of the socially determined normative nominalizations occurring in recent years in literary Russian. The negative aspects of the process of nominalization may be regarded as ephemeral signs of the „boom” of dynamic synchronism in Russian.

Michał Aleksiejenko, Uniwersytet Szczeciński, Instytut Filologii Słowiańskiej, 71-065 Szczecin, Polska – Poland.

Прагматика как самостоятельный раздел языкознания была впервые выделена в 30-х гг. XX в. одним из основателей семиотики – Ч. Моррисом, который, следуя взглядам Ч. Пирса, разделил ее „на семантику – учение об отношении знаков к объектам действительности, синтактику – учение об отношении между знаками и прагматику – учение об отношении знаков к их интерпретаторам, то есть к тем, кто пользуется знаковыми системами”¹.

Мощная волна прагматических исследований, начавшаяся в конце 60-х – начале 70-х годов, была вызвана острой потребностью и желанием лингвистов исходить в своих исследованиях не только из инвариантных единиц языка – фонем, морфем, лексем..., их дифференциальных признаков, моделей и схем, построенных на их основе, но и из отраженной в них внеязыковой действительности. Определяющим в прагматических исследованиях стал тезис о том, что именно внеязыковая действительность, реальная жизнь позволяет понимать факты языка и речи. Контуры лингвистической прагматики остаются, однако, довольно нечеткими, и сегодня „в нее включается комплекс вопросов, связанных с говорящими субъектами, адресатом, их взаимодействием в коммуникации, ситуацией

¹ *Истоки, проблемы и категории прагматики*, „Новое в зарубежной лингвистике” 1985, вып. XVI, с. 3.

общения”², а также проблемы речи в пределах общей теории человеческой деятельности, вопросы риторики, стилистики, коммуникативного синтаксиса, психолингвистики, социолингвистики, лингвистики текста и др. „Под прагматикой следует понимать... исторические, культурные, социальные условия и всю совокупность человеческих знаний и верований, в среде которых просходит деятельность языка и которые оказывают влияние на использование языка и на отношение к нему (какие бы формы это отношение ни принимало)”³. Однако при любом понимании границ лингвопрагматики к центральным проблемам ее несомненно относится эмотивное (экспрессивно-эмоционально-оценочное) значение, которое наряду с сигнификативным (и другими) входит в общую структуру значения единиц языка и выражает отношение к обозначаемому посредством выбора отдельного конкретного знака из числа знаков с одинаковым сигнификативным значением”⁴.

Поскольку, по словам Р. Декарта, „любой языковой субъект есть личность мыслящая, то есть сомневающаяся, утверждающая, отрицающая, знающая весьма немного и многое не знающая, любящая, ненавидящая, желающая, нежелающая, представляющая и чувствующая”⁵, результат ее речевой деятельности можно представить как универсальное орудие реализации определенной целенаправленной и в значительной мере мотивированной „страстями души”, т.е. субъективной, деятельности. Естественно, прагматика языка не ограничивается значением слова, словосочетания, высказывания. Максимально полно она воплощается в тексте. Однако именно лексико-фразеологическая система языка является той зоной, которая оптимально подвержена воздействию социального, психологического, культурного, политического фона времени („духа времени”), так как слово и словосочетание являются основными языковыми формами номинации. Именно в этой системе наиболее заметно отражается развитие языка как „приспособление к растущим потребностям общения” (Б. Серебренников). Потребности же эти, и прежде всего ономастологические, резко возрастают во времена бурных общественно-политических событий, революционных катаклизмов, глубоких и коренных изменений внеязыковых условий. Эти условия регламентируют и определяют в такие периоды речевую деятельность носителей языка, что не исключает одновременного воздействия и других факторов — психических, биологич-

² *Лингвистический энциклопедический словарь*, (ред.) В. Н. Яреца, Москва 1990, с. 390.

³ В. А. Звегинцев, *Язык и лингвистическая теория*, Москва 1973, с. 8.

⁴ Л. А. Новиков, *Семантика русского языка*, Москва 1982, с. 101.

⁵ Р. Декарт, *Избранные произведения*, Москва 1950, с. 352.

ческих и др., но социальные играют доминирующую роль в эволюции языка, и прежде всего в процессе языковой номинации. В подобные периоды, а к ним, безусловно, относится время „перестройки“ (1985-1993 гг.) (хотя столь расплывчатое и неопределенное горбачевское новообразование *перестройка*, так быстро ставшее интернационализмом, приобрело уже статус историзма), происходят своеобразные взрывы синхронической динамики языка⁶. О значительности влияния социальных факторов на русский язык и глубине изменений в нем в последние годы свидетельствует вхождение в обиход таких составных наименований, как *перестроечный новояз*, *язык перестройки*, *лексика перестройки*, *фразеология перестройки* и под.

Характерной особенностью номинативного процесса новейшего времени является резкая активизация иноязычных наименований, главным образом английского и греко-латинского происхождения. Новые единицы номинации и новые значения фиксируются, как правило, сначала в текстах средств массовой информации, создавая „языковой образ“ социальной действительности. Многие из таких номинаций расширяют сферу своего функционирования и становятся общеупотребительными. Экспансия иноязычных номинаций стремительно нарастает. Заимствуется прежде всего абстрактная, общественно-политическая и социально-экономическая лексика: *ваучер*, *конверсия*, *консенсус*, *менеджмент*, *спонсор*, *маркетинг*, *рейтинг*, *истеблишмент*, *брокер*, *ноу-хау*, *презентация*, *ротация*, *имидж*, *менталитет*, *эсклюзивный*, *контестация* и мн. др.

Подобные номинации нельзя отнести к сугубо референциальным, так как в конституациях они выступают также средством стилистической, идеологической и эмотивной дифференциации.

Функционально не обоснованное использование многих подобных номинаций при наличии своих, национальных, нарушает необходимые в процессе общения максимы качества, релевантности, манеры, такта, согласия и др., отягощает и код, и текст, не способствует решению антиномии „говорящий – слушающий“ в пользу последнего. Предпринимаемые отдельными периодическими изданиями попытки квалифицированного лингвистического толкования заимствованных неологизмов заслуживают всяческого одобрения. Однако они существенно не меняют положение, так как явно недостаточны, недоступны подавляющей массе носителей языка⁷.

⁶ Подробнее см. об этом: Ю. М. Лотман, *Культура и взрыв*, Москва 1992.

⁷ См., напр., публикуемый с 1991 г. в газете „Книжное обозрение“ в номерах, оканчивающихся на цифру „5“, *Оперативный словарь*, (ред.) Н. Г. Комлев, в котором толкуются значения заимствованных неологизмов.

Многие подобные новые заимствования вводятся с сугубо прагматической целью – „интеллектуализировать” речь. Эффект, как правило, получается обратный, о чем свидетельствуют реакции воспринимающих. Обратимся к текстам: „Предлагаю слово «спикер» заменить на его русский перевод – «говорун». Поскольку «спикер» не является официальным наименованием должности, то такая замена ни у кого не вызовет претензий. А человека с титулом «говорун» никто не будет принимать всерьез...” („Аргументы и факты” 1993, № 15); „Сейчас пишу статью в газете или журнале без иностранного словаря и не прочтешь. Например, «стагнация», «ротация», «плюрализм». ...А не проще бы сказать по-русски – «застой», «смена кадров», «разнообразие мнений». ...Наглый вымогатель превращается в звучного рэкетира, вульгарная проститутка – в интердевочку, а главарь шайки – в почтенного мафиози. ...Зачем же засорять родной язык, да так опасно?” („Труд” 1989, 13,10). В этом процессе функционально неоправданное заимствование недопустимо в такой же мере, как и пуризм.

Номинативный процесс перестроечного времени отличается высокой степенью социально-политической дифференциации и оценочности русской лексики, и прежде всего общественно-политической. Причем речь идет здесь не только и не столько о параллельном с общелитературной лексикой функционировании словарей социальных, профессиональных, групповых или корпоративных социумов, сколько о той общелитературной лексике, которая в глаголющем социально-политически размежеванном обществе семантически противопоставляется или различается по социально-идеологическим принципам. При этом любая социально-политическая общность или отдельный ее представитель выступает в качестве субъекта дифференциации и оценки, а любое понятие, подвергающееся подобному воздействию, – объектом этой дифференциации и оценки.

Так, двоякую или противоположную оценочность приобрели в последние годы многие слова с устоявшейся ранее идеологической оценочностью: *социализм, система, империя, коммунизм, коммунист, демократ, товарищ, частник, кулак, диссидент, капитал, собственник, собственность, предприниматель, биржа, приватизация, правый, левый, красный, белый, красно-коричневый* и мн. др.

Антагонизм прагматического значения в сфере лексики находит свое отражение и в образовании многочисленных ассоциативных и паронимических окказионализмов: *чубайсер* (ваучер), *кооператы* (кооператоры), *катастройка* (перестройка), *отсидент* (диссидент), *плюйрализм* (плюрализм), *прихватизация* (приватизация), *люберализация* (от любер), *демократура* (демократия), *демокрады*, *дымокрады*, *дерьмокрады* (демократы) и т.п.

Необходимость уточнить, „осовременить“ значения слов, выразить субъективное отношение к названному осуществляется образованием осложненных синтетических и многочисленных аналитических номинаций. К синтетическим относятся образования с пре-позитивными характеризующе-оценочными компонентами *нео-*, *полу-*, *квази-*, *лже-*, *анти-*, *интер-*: *неофашист*, *полусоциалист*, *квазидемократ*, *лжепатриот*, *антиперестройщик*, *интердевички*, *интержены* и под., а также многочисленные суффиксальные образования типа: *ваучеризация*, *долларизация*, *хуторизация*, *купонизация*, *талонизация*, *прихватизация*, *номенклатуризация* и мн. др.

Аналитические номинации образуются на базе наиболее актуальных слов, как правило, имен существительных, к которым присоединяются уточняющие определения с эмотивным компонентом значения. Так, практически неограниченные дистрибутивные возможности обнаруживает слово *демократия*, образуя составные наименования: *современная демократия*, *западная демократия*, *чистая демократия*, *европейская демократия*, *революционная демократия*, *советская демократия*, *китайская демократия*, *новая демократия*, *нормальная демократия*, *обвальная демократия*, *перестроечная демократия*, *горбачевская демократия*, *ельцинская демократия* и др.

Образовался ряд аналитических наименований на базе слов: *цена*, *рынок*, *власть*, *приватизация* и др.: *оптовая цена*, *розничная цена*, *комиссионная цена*, *свободная цена*, *спекулятивная цена...*; *свободный рынок*, *черный рынок*, *белый рынок*, *серый рынок*, *валютный рынок...*; *мафиозная власть*, *третья власть*, *демократическая власть...*; *обвальная приватизация*, *номенклатурная приватизация*, *коллективная приватизация* и мн. др.

Подобные составные наименования являются не только средством прагматической и сигнификативной дистрикции многих понятий. Они свидетельствуют также о перемещении определенных лексико-семантических групп и отдельных слов из пассивного запаса в активный, позволяют квалифицировать характер лексической динамики языка в синхронии.

Особую группу составляют аналитические номинации эвфемистического характера, скрывающие подлинную суть названных ими понятий: *прозрачные границы* (уязвимые границы), *коллективный Распутин* (ближайшее окружение Б. Ельцина), *демократический выбор* (капиталистическая ориентация), *либерализация цен* (неконтролируемое многократное увеличение цен), *шоковая терапия* (государственное ограбление народа) и под.

Антагонизм социальных отношений обусловил все возрастающую тенденцию эмотивности современной речевой коммуникации. Характер эмотивности общения определяется уровнем интеллекта и культуры данного социума. Интеллектуальный возврат к сред-

невоковью, стремительная деградация культуры, нашедшая свое отражение прежде всего в отношении общества к прошлому (а это отношение А. С. Пушкин считал чертой, отличающей образованность от дикости), мутная волна сексуальной эйфории, полное пренебрежение общечеловеческими и национальными моральными устоями и т.д. определили резко негативный, репрессивный характер речевой эмотивности.

В чем находит отражение эта тенденция? Во-первых, стремительно активизировалось, к сожалению, не только в устной форме общения, но и в письменной, функционирование репрессивной лексики. Как средство вторичной номинации даже в официально-деловой и правительственной сферах общения широко используется грубо-просторечная, вульгарная лексика и фразеология, жаргон. Вот лишь некоторые „приличные” слова и выражения из парламентских речей министров и депутатов: „придурки” (бывшие члены Политбюро ЦК – М. А.), „морда” (конкретный политический оппонент), „жрать” (по отношению к народу), „демократическая сволочь” (о современных русских демократах), „коммунистическая шпана” (о бывших руководителях ком. партии) и мн. др. (фактаж извлечен из передач российского телевидения и центральной русской периодической прессы 1991-1992 гг. – М. А.). Подобный языковой материал в огромных масштабах тиражируется посредством устных и письменных средств массовой информации. Активизировалось употребление русского мата (нецензуральной лексики и фразеологии). Матерная речь становится естественным средством непринужденного общения многих лиц, и прежде всего подростков и молодежи. Возраст употребляющих сквернословие неуклонно снижается. Как средство номинации эти вненормативные единицы языка применяются для вторичного наименования самых различных понятий. Словесное надругательство над нравственным достоинством человека не встречает сколько-нибудь заметного отпора со стороны ревнителей чистоты русской речи.

Наблюдавшийся в 80-е годы процесс жаргонизации просторечия, устной, литературной, в том числе интеллигентской, речи и строго нормированных книжно-литературных стилей, например, публицистического⁸, в 90-е годы заметно усилился. В этом также находит свое отражение не только и не столько стремление жаргонизирующих „создать что-то более выразительное, яркое, озорное, более обращающее на себя внимание”⁹, сколько тенденция к отри-

⁸ Л. П. Крысин, *Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка*, Москва 1989, с. 79.

⁹ Б. А. Серебрянников, *Социальная дифференциация языка. Общее языкознание. Формы существования, функции, истории языка*, Москва 1970, с. 483.

цательной (репрессивной) эмотивности речи. Наиболее широкое распространение получил молодежный жаргон. Снизился возраст его носителей. Жаргон стал достоянием речи школьников среднего и старшего возраста. Молодежная „тусовка“ сильно дифференцировалась: „хиппари“, „вандерлоги“, „бандиты“, „утоги“, „мажоры“, „металлисты“, „рокомбилли“, „пижоны“, „люберы“ и под. Но при всем ее разнообразии нетрудно заметить и общее – стремление обновить жаргонную речь посредством заимствования и русификации английской лексики. Ср.: *бабки* – *мани* (деньги), *предки* – *олды*, *перенты* (родители), *хавира* – *флет* (квартира), *тачка* – *кар* (автомашина), *чувиха* – *гурла* (девушка), *чувак* – *бой*, *мэн* (парень), *бестовый* (превосходный), *спичить* (разговаривать по-английски) и т.п.

В распространении сферы употребления и функционально обоснованном использовании жаргонизмов отражается общий уровень культуры социума, в особенности молодого поколения, понимание свободы слова как речевой вседозволенности, негативные изменения в общественно-языковом сознании в 80-90-е годы.

Прагматические тенденции не менее отчетливо прослеживаются и в ситуационной номинации, т.е. номинации речевых ситуаций посредством коммуникативных единиц языка. В меньшей мере стремление к эмотивности проявляется в общезыковой практике и в большей – в специфических функционально осложненных сферах употребления коммуникативных единиц языка. К таковым можно отнести употребление предложений в качестве заглавий в средствах массовой информации. Именно в таком употреблении ономастологический аспект предложения превалирует. Причем прагматический компонент значения становится основой номинации или ее целью. Не случайно в качестве заглавий или языкового материала для них в последние годы активизировалось использование образных средств языка, особенно фразеологизмов, афористики, литературных цитат и реминисценций, различного рода идеомов и др. Используемые при этом приемы речевой трансформации (субституция компонентов, контаминация, аллюзия, паронимическая и ассоциативная замена компонентов и т.п.) усиливают эмотивность номинации. Например: *Вольному* – „*Вольво*“... – ср.: *вольному* *воля*; *Богатые не только плачут* – ср. „*Богатые тоже плачут*“, название киносернала; *Все лучшее – дядям* – „*Все лучшее – детям!*“, известный лозунг; *В Москве шаром покати* – *шаром покати*; *Броня крепка и танки сплавят быстро* – „*Броня крепка и танки наши быстры*“, из песни военных лет; *А вас, Штирлиц, я прошу остаться* – фраза из кинофильма *Семнадцать мгновений весны*; *На то и „Коммерсантъ“, чтобы „Правда“ не дремала* – „*На то и щука, чтобы карась не дремал*“; *В бой идут одни директора* – „*В бой идут одни старики*“, название кинофильма; *Процесс по-*

шел. Миллионы безработных – „Процесс пошел” – фраза, часто употреблявшаяся Горбачевым; *Голод – не плетка* – голод не тетка; *КПСС уходит в горы* – „Алитет уходит в горы”, название художественного произведения; *У нас аукнулось, в Германии откликнулось* – Как аукнется, так и откликнется; *Пусть в каждом холодильнике найдется палочка для счастья* – находить палочку счастья, и мн. др.¹⁰

Таким образом, изменение внеязыковых условий в перестроечное время оказало не только позитивное, но и негативное влияние на динамику языка. К негативным тенденциям номинативного процесса „перестроечного новояза” относятся: а) функционально неоправданное использование новых заимствованных номинаций; б) стремление к дистинкции понятий, вызвавшее появление многих составных наименований, способствовавших не только уточнению значений слов, но и размыванию их, семантической неопределенности; в) активизация и распространение сферы функционирования репрессивной лексики (вульгаризмов, нецензурной лексики и фразеологии, жаргонизмов) как эмотивного средства номинации с отрицательной оценочностью; г) намеренная идеологизация, деидеологизация и переидеологизация многих общественно-политических понятий.

Следует отметить, что многие новообразования „перестроечного новояза”, особенно вызванные действием отрицательных социальных факторов и явлениями антикультуры, имеют эфемеридный характер. Они вряд ли существенно затронут базисную лексику русского литературного языка, скорость изменений в которой, по мнению Ю. Н. Караулова, в среднем не превышает 2% в столетие¹¹. Освободясь от случайного, наносного, нецелесообразного и неоправданного, дальнейшее развитие языка как бы возвратит нас к изначальной точке динамического взрыва языка.

¹⁰ Материал собран на газетных полосах центральных российских изданий 1991-1992 гг.

¹¹ Ю. Н. Караулов, *Эволюция, система и общерусский языковой тип*. В: *Русистика сегодня. Язык: система и ее функционирование*, Москва 1988, с. 7.